

П-77

РУССКИЙ МУЗЕЙ. ИСТОРИКО-БЫТОВОЙ ОТДЕЛ.

М. Д. ПРИСЕЛКОВ

ИСТОРИКО-БЫТОВЫЕ МУЗЕИ

ЗАДАЧИ. ПОСТРОЕНИЕ. ЭКСПОЗИЦИЯ

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ.

ЛЕНИНГРАД

1926

379.44(с)71(с126л)

77
77

РУССКИЙ МУЗЕЙ. ИСТОРИКО-БЫТОВОЙ ОТДЕЛ

П-77

М. Д. ПРИСЕЛКОВ

ИСТОРИКО-БЫТОВЫЕ МУЗЕИ

ЗАДАЧИ. ПОСТРОЕНИЕ. ЭКСПОЗИЦИЯ

23 ОКТ 2009

ИСТОРИКО-БЫТОВОЙ ОТДЕЛ
РУССКИЙ МУЗЕЙ

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ.

ЛЕНИНГРАД

1926

БИБЛИОТЕКА

БИБЛИОТЕКА
№ 5353

Напечатано по распоряжению Государственного Русского Музея

Ученый Секретарь *Н. Черепнин.*

I.

В 1897 г. один французский историк опубликовал труд по политической истории современной Европы (1814—1896 г.). В предисловии автор счел необходимым объяснить читателю, почему никто из европейских историков не выполнял до него подобной работы, хотя интерес к этим годам у читателей был всегда живой и законный. Дело было в том, что хороший историк того времени почитал возможным брать тему для своих изысканий только из тех эпох, от которых количество сохранившихся источников было доступно выяснению и исчерпывающему изучению, предпочитая таким образом лучше оставлять читателей без удовлетворения в их законном и живом запросе, чем погрешать против обычно-принятых взглядов. Словом, читатель не имел хорошей политической истории современной Европы, потому что в Европе были только очень хорошие историки.

Нечто подобное происходит сейчас у нас в деле строительства музеев по истории быта XVIII—XIX вв. Неоспорим, казалось бы, и очевиден живой интерес посетителей к наглядной картине по истории прошлого быта, столь еще близкого и так уже далеко ушедшего в прошлое, т. е. к уразумению в этой картине причин сказочно-быстрого крушения многовекового уклада жизни. И разве не законен такой интерес? Музейные деятели, казалось бы, располагают всеми средствами и возможностями отозваться на этот запрос посетителей развертыванием и построением музеев по истории быта XVIII—XIX вв., как из уцелевших и охраненных Революцией памятников дворцового и вельможного быта, так и созданием обобщающих историко-бытовых музеев (как центральных, так и местных), в которых мог бы ожить пред посетителем в известной исторической последовательности минувший быт всех классов города, но—дело останавливается на том обстоятельстве, что у нас слишком хорошие музейные деятели, чтобы погрешить против установившихся взглядов на музейное дело, т. е. чтобы рискнуть вступить с музейной работой в область прошлой жизни, необычную по огромности материалов и требующую от работников непривычных заданий и новых методов.

Ведь хороший музейный деятель считает, что задача музея прежде всего собирать вещи и их охранять и изучать. Если музей будет собирать бытовые вещи XVIII—XIX вв. и будет их изучать, тогда такой музей, конечно, будет бытовым музеем, но музеем т. ск. второго сорта, потому что бытовые вещи XVIII—XIX вв. — вещи второго сорта. Первосортным

вещам XVIII—XIX вв. место в художественных музеях. Но бытовой музей XVIII—XIX вв. будет музеем второго сорта еще и в другом смысле. Охватывая в своем собирании и изучении вещи последних двух столетий, что он может дать в результате изучения своих вещей? Вкус и мода в течение этих столетий шли к нам с Запада, их мы только воспроизводили и рабски им подражали, и, следовательно, в изучении вещей этих столетий могут быть поставлены лишь очень второстепенные задачи, как, например,—определение русских особенностей, сказавшихся в деле усвоения и большею частью искажения европейского образца и т. п. Стоит ли для этого строить подобного рода музеи?

Впрочем, памятники минувшего быта — т. е. дворцы и вельможные особняки — могут существовать, как музеи, потому что в их парадных залах и в самой их архитектуре можно наслаждаться вкусом и красотой, как работою великих мастеров. Задачею здесь хорошего музейного деятеля является изучение этой работы с целью выяснения тех искажений и наслоений, которые привнесло последующее время (конечно, начиная «Николаем I»), удаление — если это технически возможно — этих наслоений и объяснение посетителям того, что, к сожалению, удалить нельзя. Словом, восстановить всеми средствами первоначальный замысел и облик!

Правда, эта точка зрения хорошего музейного деятеля расходится с запросами и интересами посетителя, который хочет увидеть прошлый быт, а не замысел декоратора и архитектора только, и посетитель в огромном большинстве уходит из этих дворцов и особняков с недоумением и разочарованием, но ведь всем известно, что посетителя нужно поднимать до себя (и особенно в наше время), а уж никак не ронять себя до запросов и требований посетителей, а, во вторых, на то и существуют экскурсионные руководители и объяснители, которые должны преобладать этот разрыв между хорошими музейными деятелями и запросами посетителей изобретаемыми на этот предмет словесными упражнениями, потому что все это музейных деятелей, вообще говоря, не касается, и музей не обязан говорить с посетителями общепонятным языком.

Правда, надо сознаться, такую точку зрения в чистом виде выдержать трудно: ей явно и неприятно противоречат уцелевшие также в дворцах и особняках жилые, а не парадные только комнаты (т. наз. «личные комнаты» государей и вельмож), в которых, конечно, нет и помин красоты и эстетической радости; но зато в отношении к ним нет, ведь, между хорошими музейными деятелями единодушного и твердого убеждения, что они комунибудь и для чегонибудь нужны. Одни хорошие музейные деятели во имя чистоты своей точки зрения во чтобы то ни стало требуют постепенного закрытия и распродажи всех этих комнат; другие, как более благодушные, готовы их терпеть до времени, «курьезаради» и за необыкновенную их доходность. Ведь современный посетитель так странно устроен, что идет скорее именно в эти жилые комнаты дворцов, чем в какой либо другой музей, и как с ним высокою входною пла-

тою ни борись, он настоит на своем, желая взглянуть на эти куски прошлой жизни. Вероятно, это нужно считать просто нездоровым любопытством!

Эта борьба за оздоровление посетителей идет у всех на глазах в течение уже нескольких лет. К сожалению, оздоровления все не наступает, посетитель остается на своей точке зрения, скромно, но стихийно выражая желание как то по своему воспринимать вещи, как то шире понимая быт, чем его понимают хорошие музейные работники и деятели. И это упорство с обеих сторон всею тяжестью падает на руководителей экскурсий.

Кому не приходилось слышать о тех курьезных и грустных эпизодах, которые происходят в этих дворцах и особняках между посетителями и объяснителями на этой почве. Многие объяснители пытаются выйти из затруднения, т. е. пойти на встречу запросам посетителей, прибегая, за недостатком иных знаний и за неимением иных материалов, к испытанному, можно сказать, вековому хорошему музейному приему: от вещей и через вещи восходить к характеристике быта. Но почему то метод этот здесь не удается, искажая правду прошлого подчас до неузнаваемости. Например, XVIII в. оказывается населенным величайшими эстетами: все цари были эстетами, эстетами были все вельможи. Современная тому времени мода и условности тогдашнего расточительного парадного быта возводятся в личную заслугу лиц, о которых история давно сказала свое слово, как о невежественных и ничтожных людях.

Впрочем, одни ли руководители экскурсий грешат этим превосходным музейным приемом?

По скольку подлинного быта в этих парадных залах дворцов и особняков нет, а есть лишь золоченая рама, в которой когда то протекал этот быт своею парадною стороною, постольку пред посетителем прием этот может нарисовать, под эту раму, картину какой то сказочной жизни, жизни высокой красоты и неиссякаемого изящества: хорошо было жить в такое волшебное время! Хотя тогдашний подлинный быт, взятый не чрез вещи парадных комнат, а легко воспроизводимый обильными категориями других источников, нас ужаснул бы теперь и в этих дворцах, и в особняках своею грубостью нравов, от которой мы далеко ушли вместе с ликвидациею рабства, духотою и грязью обихода, которые нам, в век водопровода, электричества, личной чистоплотности, как массового явления, трудно себе теперь просто представить.

II.

Рискуя прослыть музейным еретиком и плохим музейным деятелем, автор пытается в дальнейшем встать на иные точки зрения: и к запросам посетителей, и к оценке историко-бытовых музеев вместе с памятниками дворцового и вельможного быта, и к методам изучения вещей XVIII—XIX вв. и к методам их экспозиции, стараясь избежать неясностей в самой постановке всех этих тем. Автор излагает личное мнение, не имея в виду, однако, претендовать на оригинальность. Многие из дальнейшего, видимо

становится уже распространенным, помимо усилий автора, давно коллективно-обсужденным и даже формулированным. Позволю себе сослаться на работы двух ленинградских обществ: Комитета социологического изучения искусств и Общества социологии и истории искусств. Первое из них в I «Сборнике» под заглавием «Проблемы социологии искусства» уже дало место статье В. М. Кремковой «Музеи быта», весьма содержательно и удачно остановившейся на многих вопросах строительства этого рода музеев.

III.

Позволительно задаться вопросом, почему все хорошие музейные деятели всегда говорят (и на вывесках пишут) в приложении к дворцам и особнякам—«Музеи быта», хотя там, как мы видели, быта, повидимому, нет, а есть лишь известные бытовые вещи. Почему, в самом деле, не называть эти дворцы и особняки музеями бытовых вещей? Конечно, нужно думать потому, что на эти памятники быта, какими они в существе должны являться, переносят название от музеев бытовых вещей более ранних эпох, чем эти злосчастные XVIII—XIX вв. Там, в музеях «древностей», т. е. вещей более ранних эпох, чем XVIII в., этот термин законен потому, что в них чрез изучение бытовых вещей или «древностей» подготавливается та основа, на которой только и можно строить изучение быта в целом. Потому что вещи этих эпох—единственный источник к воссозданию быта и часто источник скудный.

Для воссоздания быта XVIII—XIX вв. имеются многие источники, помимо вещей, и источники обильные. Но поскольку хороший музейный деятель эти источники отвергает, изучая и в этих хронологических пределах только вещи, справедливость требует не пользоваться термином «музеи быта», вводящим посетителя в недоумение, а прилагать названия, точнее передающие самое задание таких музеев (архитектурное и декоративное убранство дворцов XVIII—XIX вв. и т. п.).

Углубляясь в изучение вещей эпохи «древностей», музейный работник старается выяснить себе технику производства, ее историю, центры, как и те сложные влияния и заимствования, которые сказались на форме, рисунке, раскраске и т. п. В дальнейшем к этому материалу подходит исследователь и строит гипотезы о культурных сношениях, о распространенности того или другого явления, о формах быта. Восстановить полную картину этого старого быта и проследить его историю—конечная цель всего задания.

Но конечная цель этого задания будет всегда весьма отдаленной, и приближение всегда весьма произвольным, потому что в данных всегда будет чувствоваться тот или иной недостаток, и потому что всегда будет не хватать главного—вещи в быту и связанного с этим вопроса о производстве и распространении этих бытующих вещей. Мы не говорим здесь о тех бытовых вещах, назначение которых теперь уже нам непонятно и разгадать которое—дело не легкое. Но хорошо всем известные

по своему назначению в быту вещи, вещи, хорошо изученные с точки зрения формы, техники и т. п., почти ничего не говорят нам о том, как они растекались по социальной толще своего времени и как и в какой мере в каждом слое своей толщи использовывались? А между тем только эта сторона дела и приближает нас к уяснению быта в целом. И только очень упорные музейные люди, сами никогда не поднимающиеся от изучения вещей до построения выводов, замкнувшиеся в своем предварительном изучении, как в самодовлеющем задании, могут не чувствовать и не воспринимать этого главного пробела. И тогда для них оказывается достаточным в изучении эстетический или стилистический анализ, т. е. возможность оставаться в старом и удобном платье, не затрудняя себя ищущими попытками сдвинуться с мертвой точки и в деле изучения, и в вопросах экспозиции: не нами заведено, не нами и кончится!

К сожалению, эпоха XVIII—XIX вв. говорит с нами другим языком и говорит о широких возможностях иных подходов к вещам, внося тем самым беспокойство в, казалось бы, установленные приемы. Попробуем послушать этот язык.

Конечно, как и все музеи, музеи по истории быта XVIII—XIX вв. прежде всего собирают и изучают вещи. Систематический подбор в этих музеях мебели, фарфора, бронзы и т. п. может дать важный материал по истории всех этих категорий предметов и, вероятно, никто не будет оспаривать эту задачу в музеях по истории быта XVIII—XIX вв. Но если та задача будет единственной, а не подсобной или второстепенной, то всякий тогда возразит, что бытовой музей этим разменивается на сумму музеев мебели, фарфора, бронзы и т. п., т. е. не дает никакой картины быта. На материалах XVIII—XIX вв. это становится очевидным каждому и музейному деятелю, и стороннему наблюдателю.

Но тогда как же музейно выразить быт, и, наконец, что такое этот быт, который всегда подменяется бытовыми вещами, почему то не желающими рассказывать собою зрителю о прошлом быте в целом?

Крушение на наших глазах старого бытового уклада и резкие формы перехода, чрез годы войны и особенно революции, к новому быту (вернее, к исканию пока новых форм быта), открыли пред нами, мне думается, картину этого старого уклада жизни, выхватив нас из него, поставив в новые условия и обстановку и, наконец, заставив нас практически — в пору кризисов — оценить, взвесить и переувесить каждый элемент прошлого быта и всего, привычного каждому, своего уклада в целом. И поскольку на наших глазах это пережито было всеми классами, во всех слоях городской среды, постольку наши взгляды на быт могли расширяться от рамок своего слоя до рамок всего прошлого социального бытового уклада в целом.

Если эта картина оказалась бы недостаточно-убедительной для понимания существа быта, то, думается, наступившая пора нэп'а должна докончить этот предметный урок по истории быта. В самом деле, мы с удивлением наблюдаем и испытываем на себе, как вновь, при первых экономи-

ческих возможностях, в личном обиходе и в обиходе других, вновь возрождаются все привычные формы быта и особенно в быту частном, интимном. Обычны были фразы в свое время: мы никогда не будем брать прислугу, потому что удобнее жить без присутствия постороннего лица; или: зачем были нужны все безделушки, мелочи, украшения, когда с ними столько возни и хлопот и т. п. И все это оказывается забытым тотчас, как стала оживать к тому возможность, и стали действовать условия общения и «приличия» среды: нельзя оставаться оригиналом в частном быту! И, действительно, даже самые крайние индивидуалисты в той или иной области творчества остаются в своем частном домашнем быту типичными представителями своей среды, как обычное явление. Привыкая к известному укладу с детства или наживая его с молодых лет, мы не замечаем и не оцениваем его законов, условностей, шаблона, типичности.

Когда революция вскрыла всё это перед нами и показала, что бытовой уклад прошлого складывался, как ступени лестницы городской среды, где каждая ступень в какой то мере была оригинальна, замыкаясь в свой круг, но в то же время была связана как с предшествующей ступенью, в смысле подражания и заимствования, так и с последующей, как предмет для заимствования и подражания, мне кажется, мы стали понимать и что такое быт, и что такое изучение быта.

Быт—сложная и широкая тема. Но законно из нее брать те стороны и явления, которые ярче и более существенны для плодотворного изучения. Такою стороною будет быт частный, т. е. тот условный уклад жизни и обстановки, тот обиход разных слоев городской среды, который устанавливается в известные моменты, в зависимости от устойчивости экономических и социальных отношений известного времени. Обстановка жизни каждого слоя слагается из условий достатка и досуга, т. е. от экономических и производственных отношений, впитывая в себя в этих условиях, в меру своей возможности, удобства и красоту современного модного обихода, только на самом верху классовой лестницы достигающего полной выразительности и современности, но по разному, и в смысле темпа переживания, и в смысле отбора, доходящего до нижних слоев. В этом процессе отлагаются «пережитки», т. е. происходит закрепление некоторых предметов и форм из общей массы, привносимой постоянно меняющейся модой и условиями вкуса.

Можно изучать быт известного класса в его известном слое, но конечным заданием будет соотношение всех слоев всех классов между собою в хронологической последовательности. Потому что только на этом материале в целом мы сможем приблизиться до понимания всех законов быта, которые действуют и действовали, не привлекая до сих пор к себе должного внимания. А между тем уяснение этих законов быта и «пережитков» только и могут нас приблизить к реальному руководству осмотрительного и плодотворного переустройства при искании новых форм частного и общественного быта.

Останавливаясь на известных моментах устойчивости экономических и социальных отношений в прошлом, восстанавливая для них быт всех слоев городской среды, мы получим историческую картину, которая по своей наглядности и выразительности окажется неистощимым объектом наблюдений, исследований и изучения.

Но к данной теме необходимо подходить с точным и взвешенным исследованием, изучив городскую среду в ее прошлом как во всей ее толще, так и в каждом ее слое. Быт дворянский, купеческий, мещанский, рабочий — не представляют собою легко-определяемое данное, потому что в основе должно лежать типичное для каждого слоя. Если исследователь определит для данного времени купеческий слой в его целом, ему еще надлежит выяснить тот типичный, главный в бытовом смысле, пласт этого слоя, по которому и надлежит воссоздавать картину быта купечества этого времени. Словом, историко-статистический анализ здесь играет ту самую роль, какую в художественной литературе играет творческая интуиция, писателя, выхватывающая и показывающая типичное в современном.

Так поставленное изучение, вполне возможное для XVIII—XIX вв. и в смысле обилия источников, и в смысле наличия огромного большинства вещей, дает впервые в музеях возможность привлечения вещей не самих по себе, как это имеет место в музеях «древностей», а вещей в быту, т. е. к обычному музейному изучению вещей прибавляет едва ли не главнейшее — изучение бытования вещи.

Мы все это отлично сознаем и постоянно выражаем в языке, называя из современного нам далеко не все явления и вещи бытовыми, хотя все вещи и находятся, конечно, в быту. Обычно никкелированную мыльницу из дорожного несессера, никто не называет бытовой вещью. Но когда в этой мыльнице в пору кризисов носили табак и бумагу для скручивания папирос, мы о такой мыльнице говорили — какая бытовая вещь! Именно потому, что на безличной вещи быт наложил свою печать, открывая возможность характеристики быта известного слоя в известное время. Когда один из научных сотрудников при изучении рабочего быта посетил семью одного металлиста, и жена последнего узнала, что сотрудник пришел из музея, она сейчас же подарила в музей фарфоровый чайник. Этот чайник однажды разбился на куски, и рабочий, не имея средств купить новый, предпочел обделать уцелевшие куски металлом, что потребовало, конечно, большого времени и труда. Жена рабочего, смеясь, сказала, что этот чайник — музейная вещь, и она всегда думала, что его нужно отдать в музей. В этом, конечно, она права: рассматривая чайник в его металлической обделке-скрепе, нельзя не увидеть эту печать подлинного быта, которая сразу выделяет данную вещь из ряда других. Но таких вещей — не много. Огромное большинство вещей ничего не говорит нам о быте, если не взять эту вещь в самом быту.

Вещь сама по себе и вещь в быту — разные вещи. Безличная, типичная вещь сама по себе, иногда, взятая в быту, сразу приближает нас к тем основным вопросам изучения быта, о которых говорилось выше.

Но что такое вещь в быту? Это, конечно, комплекс вещей, выхваченный, как типичный кусок быта известного времени в известном слое. И возможности изучать эти комплексы, их собирать и музейно охранять и создают самое глубокое и важное отличие музеев быта XVIII—XIX вв. от музеев древностей. В первых именно эти бытовые комплексы, как единицы музейного собирания и изучения, равняются единичным вещам музеев «древностей». Так называемый комплексный метод, как новинка музейной экспозиции, ищущая своего применения и в музеях древностей, и в художественных музеях, — в музеях быта XVIII—XIX вв. является основой собирания, изучения и, конечно, экспозиции, открывая теоретические возможности важных и плодотворных наблюдений над законами быта.

Революция, естественно, не оставляет никого в стороне, вовлекая всех и всем давая себя почувствовать в том или другом смысле. Трудно найти лицо, которое бы не заметило революции. Но переживая ее, как современники, мы не можем и не хотим отрешиться от ее восхваления или порицания, чтобы оценить в ней единственный, неповторимый объект для наблюдений и теоретических выводов. Историки любят говорить о том, что история поучает современность, но почему-то обычно ретушируют обратную зависимость современности и прошлого, когда, исходя от поучительности современного, мы начинаем в должной мере разбираться в прошлом. А между тем легко доказать, что все завоевания исторической науки как в смысле общих теоретических ее основ, так и в яркости известных прозрений в прошлое — есть достояние наблюдений над современным, модернизация прошлого.

Когда разразилась французская революция, и этот мощный сдвиг поставил пред человечеством возможность ряда новых наблюдений и аспектов для теоретических выводов, далеко не все эти выводы были сделаны и разработаны самими французами. При нашей обычной неуверенности в себе, недоверии к своим силам и при нажитых привычках восхищаться всякими видами иностранного ввоза — будет весьма неудивительно, если разработка многих вопросов, поставленных революцией, окажется делом сторонних наблюдателей. Дело идет не только о строительстве музеев по истории быта XVIII—XIX вв. или построении новой отрасли знания — истории быта, в ее полноте и новых методах изучения, но и о целом ряде дисциплин, которые революция, думается, может легко углубить и перевести из разряда описательных в разряд строящих теоретические выводы. Например, в области изучения истории языка мне представляется та же возможность, что и в изучении быта. На наших глазах язык разных слоев населения испытывает на себе наплыв новых слов, выражений, экспрессии; на наших глазах этот наплыв, идущий сверху и отражающий на себе характер и быт руководящего класса, в той или иной мере усваивается на всех ступенях, в каждой отлагаясь своими пережитками, как прочным приобретением. Неужели отсюда нельзя сделать выводов к прошлому и тем, в числе других выводов, получить некоторого рода измерительный материал для характеристики пережитых эпох по глубине и силе соот-

ответственного каждой эпохе руководящего слоя, в зависимости от количества им привнесенных слов. Думается, что и в области этнографии мы подошли к подобного рода перелому ¹⁾.

Неужели все эти возможности будут использованы нами не раньше, чем, став результатом наблюдений над переустройством нашей жизни со стороны, придут к нам с Запада, как превосходное заграничное изделие?

IV.

Вместе с бытовыми музеями по истории XVIII — XIX вв. на наших глазах зарождается новая по методам изучения дисциплина истории быта. Она в этой постановке — завоевание нашего времени, потому что не могла быть так ясно поставлена и осознана в прежнюю пору — постепенного и медленного переустройства быта — достояния XIX века.

Однако, наше время — время суровых требований и условий, не дающее досуга для неторопливого прорабатывания и подготовительных штудий. Вот почему судьба историко-бытовых музеев не может быть сравниваема с судьбами других музеев, в которых между собиранием коллекций и их изучением, с одной стороны, и построением на этом материале новых выводов и знаний, с другой, всегда проходили годы. Сверх того, нередко, вокруг собранного материала нарастала исследовательская работа в иных научных учреждениях, помимо собирающего материала музея. Историко-бытовые музеи должны все это выполнять одни и сами, без поддержки пока извне. Запросы широких масс посетителей, с одной стороны, трудности предварительного изучения, собирания материала и его экспозиции, с другой, вынуждают этого рода музеи обратиться к особому рода выставкам, которые можно назвать выставками исследовательского типа. Музей ведет работу собирания и изучения, но он далек от завершительных построений, как они формулированы в предыдущих главах, и потому его право и его обязанность показать, музейно-опубликовать тот или иной опыт своего изучения, чтобы тем самым поделиться как результатами своих работ, так и методами своего изучения и собирания.

В виду сложности и новизны всех сторон этого дела, т. е. собирания, изучения, экспозиции, где возможны ошибки, непредвиденные трудности, тот или иной недостаток материалов, представляется весьма выгодным, важным и плодотворным попытаться прежде всего закрепить в изучении и собирании быт предреволюционной поры во всем размахе его социального уклада. На этом материале легко поправимы возможные ошибки, он знаком еще многим по личным наблюдениям и переживаниям, он богат еще возможностями дать все, что теоретически окажется нужным

¹⁾ Уже после набора этих строк я имел случай ознакомиться в корректурных листах со статьей проф. Д. А. Золотарева: «Верхне-Волжская этнологическая экспедиция. Изд. Ак. М. Культ. 1926», где автор с другой точки зрения приходит к тому же ряду наблюдений.

в вещах. Наконец, если бы нам удалось осуществить такое закрепление последнего этапа старого быта, мы бы получили надежную точку опоры для сравнительного изучения вверх, как будущие поколения извлекут много драгоценных и поучительных выводов из сравнения этой картины быта с будущим укладом, новым.

На это обычно возражают, что это — не интересно, потому что этот этап прошлого быта мы еще помним и знаем, да и нет в нем ничего красивого, радостного. Последнее замечание можно распространить и на все предыдущее, если не понимать под бытом стиль эпохи и его отражения в парадных убранствах. Но, думается, пора отказаться от мысли, что музеи быта — художественные музеи. Что же касается нашего знания быта предреволюционной поры, то, по опыту изучения его, ведущемуся в Историко-бытовом Отделе Русского Музея, можно смело утверждать, что это поспешное и ошибочное суждение, поскольку ни у кого не было возможности изучить этот быт во всем разрезе и соотнести его себе представить. Между тем в этом соотношении весь смысл изучения всякого этапа быта, и язык этих соотношений только и способен рассказать о всей правде минувшего.

Последний этап старого быта есть теперь уже искомое, а не данное, потому что уцелевших кусков старого быта весьма немного и по характеру своему они весьма случайны. Революция сохранила нам несколько таких кусков в виде дворцов и особняков. Если к ним подходить не с точки зрения хорошего музейного деятеля, а ценить в них прежде всего «личные» комнаты, как документы недавнего прошлого, как подлинные куски частного быта известных ступеней городского быта, то как нужно их омузеевать и как показывать посетителям?

Прежде всего нужно иметь в виду, конечно, что вся ценность этих кусков прошлого быта станет и может стать для нас ясна только в соотношении со всеми ступенями быта того времени. И теперь уже можно кое что предчувствовать в этом смысле, как вывод от такого сопоставления, но было бы произвольно и необоснованно уже сейчас делать все выводы без достаточного материала. Вот почему с этой точки зрения еще нельзя пред посетителем развернуть и объяснить ему значение и необходимость сохранения этих памятников прошлой жизни. Но, однако, посетителю все же можно и должно дать некоторого рода объяснения.

Когда историк находит новый документ, не всегда бывает, что этот документ служит предметом исследования, исчерпывающего и всестороннего. Гораздо чаще историк спешит опубликовать вновь найденный документ, снабдив его теми или иными пояснительными комментариями, отодвигая до времени окончательное использование всех сторон документа. Так и в данном случае необходимо поступать с сохранными революцией памятниками быта. Как и вновь найденный документ, их прежде всего нужно опубликовать, т. е. открыть для обозрения, и снабдить предваряющим будущее исследование комментарием. Таким комментарием должна быть т. ск. вводная статья, т. е. вводная выставка к памятнику. Искус-

ственно созданная в подходящем помещении, не разрушающая внутреннего уклада охраняемого памятника, лучше всего рассчитанная на предварительное прохождение пред обзором самого памятника,—выставка эта должна прежде всего рассказать посетителю о том быте, который отражает памятник, в полноте его прошлой жизни, разумеется, с точки зрения того уровня знания и оценки, которая нам доступна в настоящее время. Поскольку всякий быт определяется достатком и досугом, т. е. экономическими и производственными отношениями, постольку эта сторона быта прежде всего требует пояснения и выяснения. Конечно, для подобного рода выставки нужен архив, точные данные, диаграммы. Необходимо поэтому всячески добиваться сохранения на местах архивов этих памятников быта, без которых не может быть и разговора о какой-нибудь обработке этих памятников. Но было бы заблуждением думать, что выставка целиком будет состоять из архивных документов и диаграмм. План выставки должен, по возможности, широко и гибко охватить все стороны быта, характеризуя его вещами и всякого рода иллюстрациями. Поскольку выставка этого рода есть выставка исследовательского типа, самым ударным заданием в ней должна быть логически-ясная мысль построения и плана, чтобы, легко читая эту выставку без путеводителей и описаний, посетитель в итоге легко ориентировался при осмотре памятника в общем укладе жизни той среды, какую данный памятник отображает. Здесь законно может быть проведена доступная выяснению историческая картина этого быта, хотя бы и не в совершенно законченном изложении, в смысле полноты и отчетливости.

При такой оценке сохраненных памятников быта прежде всего, конечно, справедливо поднять вопрос о величайшей осторожности при удалении тех или иных вещей или при их перемещении внутри памятника, драгоценного, как застывший кусок жизни. Снимать слои последних переделок, добиваясь эффекта первоначального, иногда практикующееся как шаблонный прием,—значит навсегда стирать подлинный быт последнего времени во имя эстетических вкусов только.

Подобного рода вводящая выставка прежде всего даст отклик на живой интерес посетителя к прошлому быту, своим соотношением к настоящему даст ему важный материал для размышления и оценки, затем никоим образом не повредит сохранности и цельности памятника и, наконец, по мере дальнейшего уяснения музейным персоналом поставленной темы выставки, выставка эта всегда может и должна совершенствоваться и углубляться. Будучи выставкой временной с одной стороны, исследовательского типа—с другой, выставка может прибегать и изыскивать новые формы экспозиции, даже не утвержденные музейным канонам в применении к выставкам постоянным. Поэтому и в вопросах экспозиции подобные выставки могут быть названы исследовательскими по существу.

Только такого же рода выставками пока должен ограничиваться в своей работе и музей по истории быта XVIII—XIX вв., как центральный, так и местный. Поставив своею задачею дать бытовой уклад известного

момента во всем его социальном разрезе, как подготовительные штудии к решению этой задачи, как набросок при подготовке к картине, в лучшем случае, как глава к задуманной книге, музей должен опубликовывать эти моменты своей работы в своих отчетных выставках. Темы этих выставок могут быть различны, как бывают различны методы изучения, охватывая и продольные разрезы быта, и разрезы вертикальные, и только работа разных учреждений постепенно даст и укажет прочные пути и прочные результаты.

Историко-бытовой Отдел Русского Музея разработал три отчетных выставки, и две из них успел уже показать. К сожалению, третья, и самая важная с точки зрения Отдела в смысле методологическом, задерживается отсутствием помещения и средств.

Первая и третья из этих выставок лежат в плане общей задачи Отдела изучить и закрепить быт труда и капитала перед революцией. Вторая, выпадая из этого общего задания, вызванная внешним поводом, в ином разрезе решала пути изучения и экспозиции.

В быте капитала пред революцией Отдел выделил тему: быт купечества. В этой, никем не затронутой изучением, теме, лишенный возможности по времени дать историко-статистический отчет в структуре купеческого слоя, его размахе и оборотном капитале, Отдел решил сделать так сказать первоначальную разведку, т. е. изучить какой-либо один источник по истории купеческого быта, чтобы чрез это подойти к уяснению общей темы. Таким источником взят был купеческий бытовой портрет на всем пространстве XVIII—нач. XX вв. Изучение этого источника, систематически проведенное, несмотря на некоторые неполноты собрания, все же дало ряд ценных выводов, очертив быт торгового и быт промышленного купечества, как два своеобразных бытовых переживания. Сопоставляя портреты с мебелью и др. вещами, среди которых бытовали портреты, привлекая по возможности все виды источников, по которым должно пойти дальнейшее изучение, Отдел дал посетителю, конечно, не выставку купеческого быта, но показал ему всю сложность темы и ее источников, как и некоторую организующую нить, данную изучением портретов.

Вторая отчетная по основной теме Отдела выставка, к сожалению, еще не открытая, будет любопытна той своей стороной, что она имела возможность гораздо увереннее и смелее идти в изучение быта намеченного, как тема, класса: это выставка по рабочему быту перед революцией. Рабочий класс представляется достаточно изученным в своем объеме и составе в прошлом, определенным по характеру производства и по своей заработной плате, т. е. представляет материал, удовлетворительно отвечающий на основные вопросы, возникающие при изучении быта известного класса. Определяя в каждом производстве типичные для данного производства слои, изучая в современном, уже далеко измененном, быте, черты и мелочи прежнего уклада быта этих типичных слоев, Отдел в этой выставке подошел к возможности создания тех единиц музейного собрания и изучения в историко-бытовых музеях, которые выше были охарактери-

зованы, как типичные комплексы вещей. Вся остальная часть выставки представляет собою или подготовительные штудии в изучении производства, заводского быта и истории рабочего быта, или заключительный вывод, характеризующий рост классового сознания пролетариата.

Конечно, выставка эта не есть выставка по рабочему быту пред революцией, так как охватывает далеко не все виды производства (будут представлены сезонники, примитивное производство, текстильщики, металлисты и электротехники) и, по условиям работы Отдела, не имеющего средств на командировки и экспедиции, только быт почти одних рабочих Ленинграда. Однако, в противоположность выставке купеческих портретов, она, конечно, ближе подходит к основному заданию и в дальнейшем требует, вероятно, меньше работы по приближению к общей теме.

Третья выставка Отдела, созданная по случайному поводу—юбилея Академии Наук СССР,— ставила своей задачей дать бытовой разрез исторически—нешироко-взятой эпохи от ее верха до низа, выходя уже из пределов только частного быта. Трудность темы, вырванной из исторической перспективы и последующего переживания, конечно, сказалась на достигнутых результатах, чему способствовало и слабое изучение эпохи в бытовом ее укладе, и недостаток вещей. Но методологический интерес представлялся здесь в другом отношении: дать характеристику самой эпохи в ее основных явлениях и значении. Правда, условия помещения—выставка устраивалась в Летнем дворце Петра I—в Летнем Саду— и частью характер экспонатов (пушки нельзя было поднять во второй этаж) несколько исказили последовательность этой характеристики: война и военная реформа, новый механизм государственного управления, деятели и материалы центрального управления, дипломатия, политическая полиция и казни, дельцы эпохи, торговый капитал (С. Питербурх) и начатки промышленности, быт дворян и крепостные, новая светская культура, забавы двора и дворянства, личный быт Петра I.

Указанные выставки, весьма разнообразные по приемам построения, показывают неизбежность, необходимость и, позволительно думать, полезность самых разнообразных подходов к изучению быта, определяемых темой, источниками и средствами воспроизведения.

Задаваясь, однако, общею целью—дать посетителю всю полноту наших знаний по определенной теме и показать ему все пути изучения, воспроизводимые на выставке,—все эти выставки одинаково пользовались самыми разнообразными средствами экспозиции, не боясь нареkania в музейной «ереси» или безвкусице.

Такие вопросы как включение в экспозицию архивных материалов, копий, фотографий, диаграмм, карт и т. п. разрабатывались для этих выставок не в смысле возможности или отказа от их включения, а в смысле возможностей наилучшего их использования: как победить утомительную плоскость этого рода экспонатов, как ярче и выразительнее заставить его говорить, как, наконец, избежать однообразия окраски и невыразительности фотографий?

Конечно, это — «ереси», и в этого рода выставках число этих ересей так велико, что не хватает всех вселенских соборов для их обличения. И самая страшная ересь — стремление к комплексу, поставленное, как идеал экспозиции, обоснованное самым существом построения и задач! Однако, всё начинается ересью, а кончается «пережитком», становясь музейным объектом, в старинном смысле слова. Так и в данном случае. Чем разнообразнее и шире будут испробованы новые пути экспозиции, тем скорее определится среди них та золотая середина, которая войдет в общее употребление и признание до следующего напора ересей.

Возражают против самого использования вещей на подобного рода выставках. Вещи теряют самодовлеющее значение, даже комплексы вещей скорее иллюстрируют мысль выставки, чем служат предметом внимания. Это — глубоко-справедливое, но не решающее возражение. Оно было бы решающим, если бы, например, картины в художественных музеях, как в старину, висели бы по случайности поступления или бы их развесили по форматам, т. е. во всей чистоте провозгласили принцип самоценности каждой вещи. Но ведь этого нет даже в этом материале выставок. В существе и художественные музеи излагают пред посетителями историю развития художественных форм развескою картин и экспозицией памятников искусства, т. е. делают тоже, в чем обычно упрекают исследовательские выставки бытовых музеев. Конечно, упрек может быть лишь в степени иллюстративности, а не в существе. Но упрек этот несправедлив, поскольку дело идет об отчете в процессе исследования, а не об экспозиции результата исследований, как законченного итога. В последнем случае, т. е. когда историко-бытовые музеи соберут, исследуют и сопоставят в экспозиции свои музейные единицы, т. е. комплексы вещей по быту тех или иных слоев городской среды, степень иллюстративности в этой экспозиции получит законный и бесспорный уровень.

V.

Отчетные или исследовательские выставки музеев по истории быта XVIII—XIX вв. есть по существу выставки тематические. Это значительно способствует легкости их восприятия посетителем. Если к этой стороне дела устроитель подходит еще и с желанием сделать легким и самый процесс восприятия, т. е. всеми доступными средствами обесмыслить наличие путевода или каталога, тогда обозрение выставки достигает максимальной выразительности.

Однако, каждый музейщик знает те тысячи соблазнов и препятствий, которые стоят на пути осуществления этих добрых намерений, о которых скорбят все руководители экскурсий в каждый открытый для обозрения музеев день.

Есть одно превосходное и простое средство борьбы и с соблазнами, и с препятствиями, но, конечно, средство еретическое, по крайней мере в нашем понимании. (В Америке, повидимому, понимают иначе). Средство

это заключается в том, что музейные деятели сами обязаны показывать свои выставки посетителям и тем непрерывно наталкиваться и ушибаться об те углы выставки, которые они сами же и понастроили, увлекаясь тем или иным соображением или соблазнами материала. Историко-бытовой отдел ввел у себя эту практику, и весьма скоро почувствовал положительные стороны меры.

В самом деле, весьма и весьма часто музейные деятели так учены, что никак не могут написать доступным языком удобочитаемую выставку. Обычна до сих пор старая манера складывать выставку в расчете на несуществующего посетителя, адекватного устроителю. Существующий же посетитель просто скучает, а музей вместе с тем утрачивает основной свой облик культурно-просветительного учреждения. Здесь весьма неуместна ссылка на «нынешнего» посетителя потому, что всякий по опыту личному знает эту музейную скуку от учено-построенных и неразговорчивых выставок, требующих «подготовки» и путеводителей.

Только тогда, когда музейные работники будут считать своею обязанностью быть и руководителями экскурсий, при устройстве выставок будет принят в соображение самый беспокойный элемент в жизни музеев — посетитель.

К этого рода заботе посетитель весьма чуток и необыкновенно признателен. Для иллюстрации этого, вовсе не для восхваления работы Отдела позволяю себе привести одно замечание посетителя на экскурсионном листке после обзора выставки Отдела. Он откровенно сообщил, что пошел на выставку, потому что нечего было делать в воскресенье, и шел, предполагая, что будет скучно, как всегда в музеях, но в данном случае он понял выставку и приносит благодарность устроителям. И эти трогательные и наивные строки взволновали и сконфузили устроителей, потому что они, конечно, лучше всех знали, как много сверх сделанного они могли бы еще сделать на путях приближения своей работы к восприятию и запросам посетителей.

1270 н.

Цена 40 коп.